

ИХ ИМЕН НЕТ В АФИШЕ...

Спектакль закончился. Погасли огни люстр, расходятся зрители. А сцена все еще живет своей жизнью. Слышится разговор, кто-то стучит молотком, кто-то сворачивает в рулон материю. Это — рабочие сцены. Они убирают декорации, складывают в сейфы бутафорию, одним словом, готовят сцену к завтрашнему дню.

Монтажеры, как правило, — непременные участники любого спектакля, но имен их на афише не найдете. Потому мне и захотелось рассказать о людях этой нелегкой, скромной и очень ответственной профессии.

Шел дневной спектакль — балет «Эсмеральда», и я попала во Львовский театр оперы и балета им. Ивана Франко как раз во время антракта. Ознакомить меня с подготовительными работами, обязанностями рабочих сцены взялся заведующий художественно-постановочной частью Леонид Порфирьевич Малышко. Мы пришли на сцену, когда балет закончился и началась подготовка к вечернему представлению. Невольно взглянула на часы: было начало пятого.

Заметив мой взгляд, Леонид Порфирьевич улыбнулся:

РЕПОРТАЖ

— Понимаете, следующий спектакль начинается в половине восьмого, а подготовительные работы — намного раньше. Видите, — вон там, — показывает Малышко в глубь сцены, — сейчас монтируют задник.

Сегодня вечером должна идти опера «Кармен» и по мере того, как рабочие сцены разворачивали так называемые «сукна», то есть огромные рулоны материи, разрисованные искусной рукой художника, сцена постепенно превращалась в двор табачной фабрики в Испании.

Работали люди быстро и точно. Я узнала: для многих из них труд в театре стал не ремеслом, а искусством. Ведь они должны преподнести зрителю в точности все то, что задумал режиссер и нарисовал художник. Поэтому, согласитесь, труд этот — тоже своего рода искусство.

Подготовительными работами руководит старший машинист сцены Николай Григорьевич Галушак. Хороший специалист, много лет проработавший рабочим сцены, он в со-

вершенстве знает тонкости монтажа и расстановки декораций. Его первые помощники — Григорий Федорович Бучка и Яков Николаевич Колодий.

У известного театрального режиссера А. Таирова есть такое высказывание: «Сценическая площадка должна быть для актера той гибкой и послушной клавиатурой, при помощи которой он мог бы с наибольшей полнотой выжить свою творческую волю». Так вот, настройщиками этой «гибкой и послушной клавиатуры» можно назвать монтажеров.

Но вернемся на сцену. Здесь уже повесили интермедийный занавес. Подготовили все декорации для четырех актов оперы. Ведь в антрактах отводится незначительное количество времени для смены оформления. Например, за несколько минут нужно преобразить сцену из двора табачной фабрики в цыганский табор.

Наконец, вынесли бутафорские ружья, кивера... Это уже последний этап подготовительной работы: бутафоры ее завершают.

Помощник режиссера Ю. Е. Шимко внимательно осматривает сцену, затем удовлетворенно кивает головой. Рабочие уходят в свою комнату. А

мы продолжаем знакомство с большим театральным хозяйством. Оказывается, чтобы спектакль состоялся, только подготовительными работами занимаются 150 человек. В четырнадцати цехах создают оформление, шьют одежду и обувь, изготавливают нужную мебель, делают парики и... шум ветра, удары грома.

...Ровно в семь тридцать вечера начался спектакль. Зазвучали первые аккорды увертюры. Я сижу в партере. Мне уже известно, что декорации по эскизам главного художника рисовали братья Михаил и Тадеуш Рендзак, что артиста В. Игнатенко, исполнявшего партию Хосе, гримировал старейший гример театра Григорий Григорьевич Пивоваров, а испанский костюм шьет в мастерской, которой заведует Анна Петровна Радзивил...

На сцене вспыхивают костры. Они не отличаются от тех, которые разжигают, скажем, туристы на привалах. Но все же костер на сцене — это световой эффект, созданный Михаилом Петровичем Кровицким, опытным осветителем театра.

Опускается занавес. Звучат аплодисменты, а в них — благодарность не только артистам, но и тем, кого мы не видели во время действия, чьи фамилий не встречаем в театральной афише.

Л. ПОЛЕВСКАЯ.